

АЛЕКСАНДРА
БЕЛОГУБОВА

ХУТОР У ОЗЕРА

ТАЙНЫ ЛАДОГИ ОТКРЫВАЮТСЯ
ТОЛЬКО САМЫМ СМЕЛЫМ
И МУЖЕСТВЕННЫМ
ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Конкурс «Детской
и подростковой книги»

Победитель

Литрес

Александра Белогубова

Хутор у озера

«Автор»

2023

Белогубова А.

Хутор у озера / А. Белогубова — «Автор», 2023

«Хутор у озера» — победитель конкурса детской и подростковой книги в номинации «Время приключений». Девятилетний Родион едет в свой первый велопоход на берег Ладожского озера. Папа устанавливает правила поведения для Родиона, но мальчик не согласен с ними. Он хочет быть наравне со взрослыми: столько же играть в телефон, ездить по глубоким лужам и в целом получать удовольствие от жизни. Поссорившись с папой, Родион убегает в ночной лес, чтобы спасти испугавшуюся фейерверка таксу Джека. Но вместо собаки мальчик в развалинах хутора находит старую коробку. Родиону предстоит узнать, какие тайны хранит берег Ладожского озера. «Хутор у озера» — книга, после которой захочется сходить в поход.

© Белогубова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава I	5
Глава II	7
Глава III	11
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александра Белогубова

Хутор у озера

Глава I

Ранним июньским утром Родион лежал в кровати и притворялся спящим. Он так долго ждал этого дня и сейчас, прислушиваясь к разговору родителей, переживал, что мама не пустит его во взрослый велопоход с папой или папа поддастся на уговоры мамы и передумает брать его с собой.

— Мне не нравится эта идея, — сказала мама. — Что он там будет есть?

— Рыбу, — ответил папа.

— Какую? — воскликнула мама.

— Какую сам наловит, — папа не сдавался.

— Но у тебя нет удочки! — мама повысила голос.

— На берегу всегда найдется какая-нибудь палка, — парировал папа. — Или можно руками.

— В Ладоге? Руками?

Родион не любил рыбу, но сейчас он всей душой болел за папу. Он даже сжал кулаки под одеялом, представляя, как будто поймал окуня или щуку — что там водится в Ладожском озере?

Это был велопоход, в который папа отправлялся каждое лето, сколько себя помнит Родион, на несколько дней. Из поездки папа возвращался уставшим, пыльным, пропахшим костром, со ссадинами на ногах и очень счастливым. Он рассказывал про грунтовые дороги с огромными лужами, которые смельчаки проскакивали на всей скорости, забрызгивая грязью все вокруг; про прозрачную воду Ладоги, в которой хорошо окунуться после долгой велогонки в солнечный день; про сваренную на костре кашу с хвойными иголками вместо приправ; про ветер, который помогает разогнаться и набрать гоночную скорость, когда спускаешься с горы. Родион слушал рассказы папы и мечтал, что он тоже поедет в велопоход и отчаянным смельчаком проскочит самую большую и непроходимую лужу, которую до него не смог покорить ни один велосипедист. Но папа отказывался брать его с собой, ссылаясь на то, что Родион еще маленький. И в этом, по мнению Родиона, таилась огромная несправедливость: как посуду убирать со стола или уроки делать, так девятилетний Родион не маленький. А как велопоход, то — маленький.

Уговаривать папу взять его с собой в велопоход Родион начал сразу после Нового года. Он обещал приносить хорошие оценки. Картину немного испортила тройка по русскому, но в целом он справился.

Родион обещал помогать по дому. Но на уроки уходило так много сил, что на уборку комнаты времени уже не хватало. Мама закатывала глаза и спрашивала куда-то в потолок: «Ну и какой поход, если в комнате такой бардак?»

Еще было обещание во всем слушаться родителей. И это оказалось самым сложным: детское рабство, не иначе! Никакого телевизора или телефона перед сном, читать каждый день, ходить на дополнительные занятия по английскому — в общем, Родиона хватило на целую неделю. Он честно пытался, но обстоятельства и требования родителей были выше его сил.

Тогда Родион пошел проверенным путем: он каждый день, когда папа возвращался с работы, напоминал ему, как хочет в велопоход. Немного рыданий, причитаний и стенаний сделали свое дело — папа согласился. Но выдвинул требование: «Это взрослый велопоход,

поэтому и вести себя надо как взрослый». Родион от радости запрыгал по комнате и поклялся на телефоне, что выполнит требование папы.

И вот наступил день похода. Родион лежал в своей кровати и прислушивался к разговору родителей.

— А что ты будешь делать, если у него живот заболит? — продолжала мама.

— Дам твой порошок, — папа чем-то зашебуршал, — и возьму побольше туалетной бумаги.

— Это безответственно! — Родя знал, что мама всегда так говорит, когда не согласна с папой. Однажды они, папа и Родя, пошли гулять в парк и решили провести эксперимент. В бутылку с газировкой бросили мятную конфету. Когда в бутылке забурило, папа торжественно доверил сыну открыть крышечку. Родион вернулся домой липким от макушки до ботинок. Или зимой ходили по Финскому заливу. Пока папа сверялся с картой в телефоне, Родя решил проверить, насколько крепкий лёд в лунке, которую оставил рыбак, — стукнул ногой, и ботинок полностью ушел под воду. После этой поездки мама долго не разрешала им ездить куда-то вдвоем. Родя считал, что мама занудничает, а папина безответственность — это весело.

Дверь скрипнула. Родион крепче зажмурил глаза. Мама провела ладонью по лбу мальчика, пощекотала за ухом.

— Родюша, просыпайся.

Мальчик открыл один глаз.

— Завтрак уже на столе. Вам скоро выходить, — мама погладила его руку.

— Ура! — Родион подскочил на кровати.

— Не шуми! Сестру разбудишь, не даст вам спокойно собраться.

Родион зажал рот рукой и на цыпочках поскакал на кухню. В обычный день он бы пошумел под дверью, чтобы младшая Варя тоже проснулась, — нечего дрыхнуть, когда он с таким мучением и тоской идет в школу. Но не сегодня! Сегодня же поход!

Родион впихнул в себя овсяную кашу с кусочками груши, следом — бутерброд с колбасой, и тремя глотками выпил чашку яблочного компота. Папа уже вынес все вещи, пока Родион собирался. Мальчику оставалось только захватить свой шлем и желтый рюкзак с одеждой. У входной двери он чмокнул маму в щеку и поскакал к лифту.

Вынырнув из темного подъезда, Родион зажмурился от яркого утреннего солнца — летом в Петербурге солнце понимается очень рано. Он вдохнул поглубже аромат жасмина, который заполнил двор многоэтажного дома, и улыбнулся.

Мальчик открыл глаза и замер от удивления: рядом с груженным папиным велосипедом стоял желтый велосипед, к которому был прикручен багажник с увесистым рюкзаком.

— У меня что теперь тоже велоштаны? — Родион похлопал рукой по прикрепленному на багажник рюкзаку. — Мне же тяжело будет ехать!

— Это не велоштаны. Велоштаны у меня, — папа ткнул пальцем в забитый вещами рюкзак, который свисал с двух сторон заднего колеса. Здесь было практически все: палатка, спальные пенки (они же коврики), посуда и еда. А все, что не поместилось, папа сложил в высокий рюкзак, который надевал на спину.

— А что тогда у меня? — Родион разглядывал свой рюкзак на багажнике, который был поменьше папиного, но все равно впечатлял размерами.

— У меня большие велоштаны, а у тебя маленькие велотрусы, — папа хлопнул ладонью по крышке рюкзака на багажнике желтого велосипеда. — Погнали!

Папа перекинул ногу через велосипедную раму, щелкнули застежки контактных велосипедов, и папин черный велосипед неспешно покатил по тротуару. Родион закинул на спину свой желтый рюкзак, еще раз глянул на велотрусы, которые так неожиданно оказались на его багажнике, и поспешил за папой.

Глава II

На пешеходной части набережной стояли одинокие рыбаки. Они внимательно смотрели на воду. Родион подумал, что это невозможно скучно: вот так тарашится на воду, практически не моргая, чтобы не упустить подпрыгивания поплавок. Другое дело — ехать на велосипеде. Теплый ветерок с реки Невы приятно дул в спину, подгоняя мальчика на спуске. Ноги в легких кроссовках бодро крутили педали. Родион держал темп и не отставал от папы. «И почему папа раньше меня не брал в поход? Не так уж это и сложно», — подумал Родион, проскакывая под мостом, по которому шустро проезжали машины.

— Надо поднажать, — крикнул через плечо папа, — иначе не успеем на электричку.

— Еще быстрее? — Родион крикнул папе. Но папа ничего не ответил. Просто он, его рюкзак и велосипед стали стремительно отдаляться от мальчика.

Родион крепче сжал руль и стал быстро-быстро крутить педали. Дорожка пошла в гору, ветер подул в лицо — и все, что хотелось Родиону — это остановиться и сказать папе, что такое путешествие ему не нравится.

— Папа! Пааап! — закричал Родион.

— Я в тебя верю! — донес до мальчика ветер слова папы.

Родион запыхтел, пригнулся к рулю, чтобы ветер не сдул его с седла, и продолжил крутить педали, которые подло выскакивали из-под его кроссовок.

Железнодорожный вокзал, с которого уходила нужная путешественникам электричка, встретил Родиона и папу толпой дачников и отпускников. Папа ловко маневрировал между пассажирами и их багажом.

Папа приложил билетик к турникету и дверцы открылись. Он, придерживая велосипед одной рукой, прошел вперед. Папа оглянулся на Родиона, снова махнул рукой: мол, он дальше, на перрон.

Родиону хотелось бросить вещи и упасть на пол прямо перед турникетом. Ноги и руки от напряжения дрожали, сердце от спешки колотилось так, как будто прыгало на батуте. Родион приложил к турникету скомканный билетик, и красный огонек сменился на зеленый. Родион прокатил велосипед вперед, и за ним захлопнулись дверцы турникета.

— Отступать некуда, — произнес мальчик и поспешил за папой.

Папа стоял уже у входа в электричку: одним колесом он заехал в вагон и только ждал, когда к нему подойдет сын.

— Последний рывок, давай скорее! — папа закатил свой велик, а потом перехватил детский. — Занимай места.

Мальчик заскочил в вагон и осмотрелся: сидения у входа уже занимали велосипедисты. Полностью незанятыми оставались только две лавочки на солнечной стороне. Он плюхнулся на место у окна и поставил рюкзак напротив себя. Папа пристроил велосипеды в свободный угол у входа, снял велоштанги и закинул их на полку над Родионом. Для рюкзаков места на полке уже не осталось, поэтому он поставил свой высокий рюкзак на скамейку.

Папа сел, выдохнул и улыбнулся Родиону.

— Успели, — подмигнул папа сыну. Он достал из кармана рюкзака бутылку с водой и протянул Роде. Мальчик сделал несколько глотков. Вода еще не успела нагреться и приятно охлаждала.

— А когда мы поедем? — Родион оторвался от бутылки. Папа включил экран телефона:

— Через десять минут.

— Нам ждать ещё целых десять минут! — у Родиона округлились глаза. — Почему мы бежали?!

Папа посмотрел в окно и тяжело вздохнул:

— Сейчас начнется.

Дверь вагона с шумом открылась, и в салон, толкая друг друга, влетели женщины с дачными тележками.

— Велосипеды! — проскрежетала одна в розовом спортивном костюме, щедро украшенном стразами, и кинула свою тележку рядом с велосипедами так, что они пошатнулись. — Наставят свой металлолом — нормальным людям ни пройти, ни проехать.

Женщина цвета «химозного розового зефира», как подумал про себя Родя, просканировала вагон и, увидев свободные места рядом с папой и сыном, устремила к ним. Родион вжал голову в плечи, папа уставился в окно. Мальчик проследил за увлеченным взглядом папы, но ничего примечательного на соседних путях не заметил.

— Мальчик, убери это, — скомандовала зефирная женщина, ткнув пальцем с ярко-розовым ногтем в жёлтый рюкзак. Родион поставил рюкзак на колени и спрятался за ним.

Зефирная женщина плюхнула пухлую сумку, из которой торчал букет рассады, рядом с Родионом и села.

К ним подошла ещё одна дачница в клетчатой рубашке и с клетчатой сумкой.

— Мужчина, уберите рюкзак, — сказала Химозный зефир.

— Да, да, — поддержала ее Клеточка, так обозначил Родя для себя попутчицу.

Папа поставил рюкзак на колени, и теперь были видны только его ноги.

— На верхней полке свои баулы возить надо, — возмутилась Химозная зефирка.

— Да, да! — согласилась Клеточка.

— Заставили все. О других не думают! — не унималась зефирная женщина.

— Да, да!

— Вот в наше время! — Зефирка не успела договорить, потому что раздался раскатистый храп.

Зефирка хотела что-то сказать, но к ним подошли ещё две пассажирки с пакетами.

— Мальчик, сядь к папе на колени, — буркнула Химозная зефирка.

— Да, да, — не изменила своей традиции Клеточка.

Папа снова захрапел, вагон дернулся — электричка поехала. Родион выглянул из-за рюкзака и посмотрел на папу. Папа не спал, он подмигнул Роде.

— Так что, мальчик? — Зефирка ерзала на своем сидении.

Родион подмигнул папе и тоже захрапел.

— Куда же он сядет? — возмутилась пассажирка с пакетом.

— Да, да, — подтвердила Клеточка.

Родион всхлипнул, не в силах удержать смех.

— Ребенка до слез довели, — обратилась к Химозной зефирке другая пассажирка с пакетом.

— Да, да! — сказала Клеточка.

— Что вы раздакались?! — Химозная зефирка схватила свою сумку и поставила ее на ногу Клеточке. Та ойкнула, но женщина в розовом даже не думала извиняться. Она уже смотрела в окно. Все, что оставалось Клеточке, — это поставить свою сумку на колени.

За окном мелькали дома, деревья и машины. Но Родион этого не видел — он играл в игру на телефоне. Он не заметил, как вышли Химозная зефирка и Клеточка, как вагон практически опустел.

Родион очнулся, когда затиликал будильник, — закончилось его время играть в телефон. Он мельком глянул на папу, который читал новости в своем телефоне, выключил таймер и продолжил играть.

— Время вышло, — сказал папа, не отрываясь от экрана.

Мальчик притворился, что не слышит. Такое же случается с людьми, что они начинают плохо слышать, когда уши редко моют или когда вышло их время игры в телефоне.

— Родион, время вышло, — папа, продолжая читать свои новости, протянул Родю под нос открытую ладонь.

— Ну еще пять минут, — ответил Родя.

Папина ладонь из-под носа Родиона не исчезла. Более того, папа перестал читать новости и смотрел на сына. Этот взгляд Родя хорошо знал, и ни то, чтобы он означал что-то плохое, но под этим взглядом — вот когда папа смотрел так прямо, не моргая — внутри что-то просыпалось. Допустим, совесть. И папа так смотрел, а совесть внутри начинала зудеть: «Уроки не сделал. На столе не убрал. Книжку не открывал». Говорила совесть почему-то маминым голосом.

Мальчик вздохнул и положил телефон папе на ладонь. Самое несправедливое в таких ситуациях было то, что папа-то продолжил читать свои новости. И у папы-то никто телефон не отбирал.

Электричка бежала через лес. В просветы между соснами Родион видел, как по шоссе проезжали машины.

— Пап, смотри, а что это за штуки такие там, м? — мысли в голове мальчика мчались, как те автомобили по шоссе. — Знаешь, я придумал стратегию, как отбиться от зомби. О! Смотри, желтый грузовик.

Родя повернулся к папе, но тот все еще читал новости, хмурился и морщил лоб.

— А скоро мы приедем? — Родя подергал папу за рукав его велофутболки.

— М? — папа оторвался от экрана, — еще часа полтора ехать.

— Можно телефон? — Родя округлил глаза и поджал губы. Он считал, что с таким выражением лица выглядел очень милым ребенком, которому сложно отказать.

— Голова болеть будет, — папа не повелся на манипуляции сына.

— У тебя тоже будет болеть, — мальчик сунул нос в папин телефон. На экране был сплошной текст: что-то о курсе валют и экономической стабильности.

— Я взрослый. У меня не будет, — большим пальцем папа прокрутил текст вверх.

Родион посмотрел на велосипедистов, которые занимали скамейку у входа. Они тоже держали в руках телефоны. Другие пассажиры дремали и разговаривали. Дедушка в конце вагона жевал булку.

— Пап, ты взял кукурузные палочки, которые мама на столе оставила? — Родя вспомнил, что с вечера мама собрала им пакет и оставила его на кухне.

— Нет.

— А какую-нибудь настолку? Мама оставляла на выбор.

— Нет.

Внутри Родиона заклокотало возмущение:

— И что мне теперь делать? Мне скучно!

— Первое правило велосипедного клуба — не ныть, — папа снова посмотрел на сына своим фирменным взглядом.

— Да ладно! — Родион подумал, что в этот раз не поддастся на папины приемчики. — Мама тебе говорила, что надо продумать, чем занять меня во время пути. Игры и все такое. А еще, чем меня кормить. И если у меня живот заболит. Что все потребности ребенка должны быть закрыты. Это и есть ответственное родительство!

— Второе правило велосипедного клуба — не цитировать маму! — папа отложил телефон и повернулся к сыну.

— Ну, пап! Я же ребенок! Мне скучно! — Родя решил не сдаваться.

— Это взрослый велопоход. Мы с тобой это обсуждали, — парировал папа. — Надо было готовиться. Книжку бы взял с собой почитать. Читать — это полезно.

Родион понял, что наступил его звездный час. Он скинул кроссовки, встал на скамейку и полез в карман желтого рюкзака, который положили на освободившееся место. Улыбаясь во все свои молочные и коренные зубы, он достал книгу «Велосипедные маршруты Ленинград-

ской области» и показал ее папе. Эта книга была запретным плодом, который так манил мальчика: папа не разрешал ее доставать из шкафа и читать без его присмотра. Дело в том, что на первой странице книги синей ручкой было написано «Велопутешественнику Диме (то есть папе Родиона) от автора» — и автограф.

Родион покрутил книгу перед изумленным папой. Он даже немного потряс ее как трясут маракасы. И даже попробовал станцевать зажигательный танец, символизирующий верховенство детей над родителями. Но потерял равновесие, замахал руками, и книга полетела на пол. Мальчик спрыгнул со скамейки, чтобы поднять книгу. Глянув на свои ноги, он подумал, что мама бы не одобрила, что он в носках со знаком Супергероя стоит на грязном полу, и даже хорошо, что мамы сейчас рядом нет. Мальчик пошевелил пальцами в красных носках.

— Родион, я не разрешаю брать мои вещи, — по тону папа был и за себя, и за маму.

— Ты сказал мне готовиться. Вот я и готовлюсь. Ты сказал, что читать полезно, вот я и читаю. И дальше будешь так, пап?!

Папа с тоской посмотрел на книгу, потом куда-то в потолок, как будто в уме складывал трехзначные числа, и выдохнул.

— Ладно, — сказал папа.

Родион победителем посмотрел на папу, поерзал попой по сидению, чтобы устроиться поудобнее, и начал читать книгу. Правда, хватило его ненадолго. Минут через пять мальчик уснул. А папа, аккуратно вытащив книгу из рук сына, чтобы не разбудить, спрятал ее в боковой карман велоштанов.

Глава III

Конечная станция представляла собой покосившуюся будку с выцветшей табличкой «Касса». Вместо привычной платформы пассажиры спрыгивали на заросшую травой землю. Сначала папа. Потом Родион, которого поймал папа. Потом велосипедисты, занимавшие скамейку у входа, передавали папе вещи: груженные велоштаны, рюкзаки и даже гитару.

Пока багаж цепляли на велосипеды, Родион рассматривал участников велопохода. Они все как на подбор были в специальной велоодежде — такую же носил папа Родиона. Черные обтягивающие штаны или велошорты. Родя знал: такие узкие трико нужны для того, чтобы ткань не попадала в цепь. Велосипедисты носили разноцветные футболки, зеленые и красные с белым. Мальчику особенно нравились ярко-желтые, даже лимонного цвета. Но его папа предпочитал черную, чтобы немарко. Особый восторг вызывали шлемы: своей вытянутой формой они вполне могли сойти за головной убор какого-нибудь персонажа кино об инопланетянах. У Родиона на голове тоже был отличный шлем желтого цвета, чтобы было видно издалека, так родители сказали. А ему и нравились яркие краски, а не как у папы — черный.

— Практически готово, — папа затянул застежки велотрусов на багажнике детского велосипеда.

Родион ничего не ответил. Он наблюдал за крупным мужчиной с короткой бородой. В основном все велосипедисты были спортивного телосложения, а этот седой мужчина отличался круглым пузом.

— Это что за Дядя Арбуз? — Родион ткнул пальцем в сторону мужчины.

— Кто ж пальцем показывает? — смутился папа.

Дядя Арбуз махнул папе рукой, папа ему ответил:

— Вы налегке, Андрей Петрович?

Дядя Арбуз широко улыбнулся и повернул велосипед так, чтобы папа и Родион увидели багажник. На велоштанах висела сетка с большим арбузом.

— Вау! — все, что мог сказать мальчик. Он совсем не ожидал, что кто-то привезет арбуз в такую глухомань. Папа поднял большой палец, показывая Дяде Арбузу свой восторг и уважение.

Из-за Дяди Арбуза выглянула девочка с малиновыми волосами. На вид она была чуть старше Роди — лет двенадцать-тринадцать. Таких в школе уже называли старшаками. Девочка взглядом измерила Родиона от козырька его желтого шлема до кончиков не менее желтых кроссовок, хмыкнула и отвернулась. Мальчику совершенно не понравился ее взгляд. Будь они сейчас в школьном коридоре, он бы показал ей язык или сделал подножку, чтобы не задавалась.

Велопоход — это мужское дело, зачем брать девчонок, думал Родион. Вдруг от толпы отделилась тетя. Она поставила велосипед на подножку и достала палку. Родион сразу понял, что это для селфи. У них дома был такой штатив, ему нравилось фотографировать себя: глаза выпучить или язык показать. Правда, мама возмущалась, что у нее забита память телефона одинаковыми фото и, вообще, нельзя без спроса брать ее вещи. Но разве иметь в телефоне фото ее сынули — это плохо? Поэтому Родион с мамой не соглашался и продолжал себя фотографировать на ее телефон. Вчера вечером тоже разных селфи сделал, чтобы мама не грустила, пока его нет дома.

Тетя установила селфи палку на земле, отошла на небольшое расстояние и замерла, оставив ногу. Потом повернулась другим боком и снова замерла. Еще она оттопырила попу и показала «виктори», не забыла и губы куриной попкой сложить. Родион знал все эти приемчики, он даже немного ее передразнил, предугадывая, что она сделает дальше: например, приложит пальцы к подбородку и закатит глаза. Тетя именно это и собиралась сделать, когда заметила

Родиона. Но почему-то она не начала ругаться, а широко улыбнулась и помахала рукой. Родя замер от удивления. Он посмотрел на папу, тот смущенно помахал тете в ответ.

— Это кто? — спросил Родион.

Папа пожал плечами:

— Не помню. Наверное, встречались на других покатушках. Может, в прошлом сезоне. Много народа катается, я не всех запоминаю.

— Понимаю, — Родион смотрел на толпу велосипедистов. — Я целый год не мог запомнить имена одноклассников. А когда запомнил, то несколько человек ушли, а на их место пришли другие. Снова пришлось запоминать.

Папа постучал по шлему Родиона:

— Ну ты и голова.

— Стартуем! — крикнул Дядя Арбуз. Велосипедисты, которые секунду назад расслаблено общались друг с другом, повскакивали к своим железным коням. Щелкнули застежки на шлемах и крикнули крепления велотуфель, состыковавшись с педалями, — велосипедисты друг за другом выстроились в колонну на грунтовой дороге, уходящей в лес.

Родион схватил свой велосипед, перекинул ногу через раму и надавил на педаль. Он стремился за всеми, а лучше — в самое начало колонны. Мальчик решил срезать, чтобы обогнать и папу, и тетю с селфи палкой, и велосипедиста, велоштаны которого куполом накрывал серебристый казан. Он повел велосипед через лужайку, на которой отдыхали велосипедисты. И все шло хорошо, пока переднее колесо предательски не увязло в песке, а руль не съехал вбок. Родион сам не понял, как оказался на земле. Он отполз от велосипеда и сел: содранные ладони саднили, через пыль на коленках выступили капли крови, педаль оставила царапину на ноге. И так все болело, что мальчик не знал, на что ему подуть первым делом.

— Паап! — Родион посмотрел в сторону леса, в который уходила колонна велосипедистов. Папа уже ехал к Родиону.

— Третье правило велосипедного клуба — не отставать от группы, — невесело сказал папа. Он поставил велосипед на подножку и полез в карман за аптечкой.

Обработав ссадины на руках и ногах Родиона, папа взялся за велосипед — слетела цепь. Родя сидел на траве и больше всего на свете ему хотелось оказаться дома, чтобы мама погладила по голове и дала конфету — а лучше три, — ведь он получил такое серьезное ранение и ему нужно специальное лекарство. Но папа только буркнул, что его травмы — всего лишь ссадины и не надо нюнить.

Вдруг перед Родионом возникли женские ноги в кроссовках. Он поднял голову и увидел худенькую старушку в белом сарафане. Можно было бы сказать, что ничего примечательного в этой старушке не было. Вот только желтая кепка привлекла внимание мальчика — он бы сам такую носил, — и большие серьги с красными камнями, которые переливались в вечерних лучах солнца.

— Ты чего приуныл? — спросила старушка.

— Да вот: третье правило велосипедного клуба нарушил, — шмыгнул носом Родион.

Старушка с таким сочувствием посмотрела на Родиона, что он сам не понял, как слезы потекли из глаз.

— Ладно, ладно тебе. Правила и есть на то, чтобы их нарушать, — она протянула ему карамельку. — Держи лучшее лекарство от уныния. Тебя как зовут?

— Спасибо! — мальчик взял конфету. — Родион.

— Какое петербургское имя у тебя, Родион, — старушка подмигнула мальчику. — Вы приехали или уже уезжаете?

— Только приехали. У нас велопоход.

— Это хорошо. Мой внук тоже любит велопоходы. Весь берег Ладожского озера изъездил. Родион положил конфету в рот, и действительно стало легче.

— Ладога красивая. Но знаешь что?

— Что?

— Этот берег хранит много тайн, — старушка перешла на шепот, — но они открываются только самым смелым и мужественным путешественникам. Желаю, Родион, стать тебе одним из них!

— Это было бы круто! — настроение Родиона улучшилось, и он снова был готов крутить педали.

Старушка еще хотела что-то сказать, но ее отвлек сигнал приближающейся электрички.

— Мне пора, Родион! Рада знакомству.

— И я рад, — мальчик встал. — Спасибо за конфету. И, правда, помогло ваше лекарство.

Старушка хохотнула и пошла к электричке, которая уже стояла с открытыми дверями.

— Помочь? — крикнул вслед старушке папа. Но она резво заскочила в вагон, как будто была девочкой, а не старушкой.

Глава IV

По грунтовой дороге, раскатанной лесовозами, Родион ехал, конечно, не так быстро, как по асфальтированной набережной, но темп держал. Колени еще ныли, хотя в целом было терпимо. В конце концов это же был взрослый велопоход, а здесь могло случиться всякое. Как-то папа рассказывал, что в колонне один велосипедист неудачно затормозил. И в итоге смешалось все — люди, велосипеды. Даже пришлось вызывать скорую помощь, чтобы забрать пострадавших, и грузовое такси, чтобы доставить велосипеды в город. Вот это проблема, а сбитые колени — ерунда. Будет что друзьям показать по возвращению в город, подумал Родион.

Папа остановился, и Родя, представляя, в каких подробностях будет описывать приятелям падение, чуть в него не въехал. Перед путешественниками разлилась огромная лужа. Родион знал о таких по рассказам папы. На ее краях отпечатались следы велосипедных колес — те, кто ехал перед ними, не спешили, а проскочили прямо по воде.

— Нам — жопа! — мальчик присвистнул. — Вот это грязница! Полный улет! Мама была бы в шоке. Она тебя точно не похвалит, что ты меня в такие ... Даже слов нет! Но я ей не скажу. Я мечтал о такой луже!

Папа ничего не ответил, он смотрел на дорогу.

— Дрын-ды-дын, — Родион сделал движение руками, как будто заводил мотоцикл. — Здесь надо скорость набрать, чтобы проскочить. Вдарим по педалям — и чики-пуки! Дай пятню, пап!

Мальчик протянул папе ладонь. Но папа ударил как-то вяло.

— Отличный план, сын. Но у меня есть лучше. Давай сделаем так, чтобы нам действительно не пришлось рассказывать маме, как мы переправлялись через лужу.

Папа слез со своего велосипеда и поставил его на подножку. Он взял руль детского велосипеда:

— Слезай.

— Ну нет! Пап! Я сам! Я смогу!

— Давай, давай. Нам еще прилично ехать.

— Я сам!

— Правило четвертое велосипедного клуба — не спорить со старшими.

— Ты придумал это правило прямо сейчас, — сопротивлялся мальчик. — Так нечестно!

— Нечестно будет свалиться в грязь и вернуться на станцию, чтобы утренней электричкой уехать в город. Давай без лишних приключений.

Родион сдался. Он слез с велосипеда и отошел в сторону.

— Аккуратно переходи по кочкам, не наступай в воду. А лучше надень резиновые тапочки, я клал их в твой рюкзак.

Родион молча выполнил указания папы, перешел на другой берег лужи. И пока папа перевозил велосипеды, ковырялся палочкой в грязи. Что еще оставалось делать ребенку, которому снова ограничили свободу? Что это за взрослый поход, где даже нельзя пачкаться, а можно только следовать приказам взрослых?

Настроение Родиона стало таким, как будто он сидел на уроке математики и учитель объявила о незапланированной проверочной работе. Уныние. Вот как это называется! Мальчик взглянул на отца, который на плечах перетаскивал детский велосипед через лужу. Его ботинки звонко чавкали по грязи, брызги разлетались в разные стороны. Где-то посередине лужи, когда коричневая вода достигала самых щиколоток, папа остановился. Родя перестал ковырять грязь и внимательно на него посмотрел. Тот поднимал правую ногу, чтобы сделать шаг, но у него ничего не получалось. На лбу папы появились капли пота.

— Засосало, — пробормотал папа и еще раз дернул ногой.

— Круто, — скривился мальчик. Он бы тоже хотел, чтобы его кроссовок засосало в самом глубоком месте лужи. Вряд ли с кем-то из его друзей такое случилось, а с ним бы произошло, если бы не дурацкие папины правила.

Папа еще раз потянул ногу, он даже немного наклонился вбок — показалась резинка носка. Папа еще немного наклонился, а вместе с ним наклонился и велосипед, который он держал на плечах. Папа присел на левую ногу, чтобы было удобнее тянуть правую. И в тот момент, когда правый ботинок уже вынырнул из жирной грязи, папа вместе с велосипедом завалился набок. Родион встал: такого поворота не ожидал ни он, ни папа.

— Ты как? — крикнул мальчик.

— Все под контролем, — ответил папа. Он попытался встать, не отпуская велосипед, измазанный ровно на половину грязью. Но ничего не вышло. Папа разжал руки, и руль, шлепнувшись в воду, обдал брызгами папу по спине.

— Зато ты цел и чист, — как-то неубедительно порадовался папа.

— Ну да, ну да, — ответил Родион. — Значит, тебе можно, а мне нельзя.

Папа вытащил детский велосипед из лужи и поставил его на подножку рядом с сыном. С велотрусов стекала грязная вода.

— Рюкзак непромокаемый, — сказал папа, заметив недоумение ребенка.

Затем папа так же через лужу вернулся к своему велосипеду, сел на него и сделал то, о чем мечтал Родион, — проехал через лужу, выпустив из-под колес фонтан брызг.

— Все равно весь грязный, — улыбнулся папа на возмущенное хмыканье Родиона.

Они снова встали друг за другом на грунтовой дороге: измазанный грязью папа на чистом велосипеде и чистый Родион на велосипеде, который настолько был заляпан глиной, что поменял цвет с желтого на коричневый. Чем глубже путешественники заезжали в лес, тем мрачнее становилось настроение Роди. Жажда справедливости и равноправия требовала реванша.

— Пап! Я в туалет хочу, — крикнул Родя.

— Велосипедисты в лесу писают через поры, — ответил папа. Он старательно крутил педали и выбирал более безопасную колею на разбитой лесовозами дороге.

Если бы Родион был драконом, он бы сейчас полыхнул жаром. Но Родион был всего лишь девятилетним мальчиком, поэтому он просто просверлил взглядом папину спину и соскочил с велосипеда.

— Я сейчас!

— Стой, — крикнул папа. — Давай здесь! Родион, правило четвертое!

Но Родион считал себя достаточно взрослым, чтобы писать в кустах, а не посреди дороги как малыш. Он забежал за кусты, присмотрел себе сосну, чтобы расположится с комфортом. Но тысячи комаров — не меньше — облепили его руки и ноги. Они лезли в глаза, уши и даже рот, когда Родион закричал:

— Ааааааааа!

Мальчик вылетел на дорогу, где наготове со спреем против москитов стоял папа. Родя размахивал руками и тряс головой, бегая вокруг велосипедов. И, возможно, он сделал бы столько кругов, что хватило бы обогнуть землю, но папа поймал его и облил специальной жидкостью с головы до ног. А потом нацепил шляпу с сеткой, которая закрывала лицо и шею. Родион шмыгнул носом, сжал кулаки и сделал шаг в сторону кустов. Папа перехватил его за резинку шорт, оттянул ее и побрызгал спреем на попу.

— Готово, — папа надел колпачок на баллончик.

Родион ничего не ответил. Но зашел только за кусты, дальше в лес уходить не стал.

На лес опускались сумерки. Исчезла тень из-под деревьев, птицы пели уже не так громко. Родион крутил педали и думал о том, что сейчас неплохо было бы оказаться на диване перед телевизором, посмотреть какой-нибудь мультфильм или порезаться в гонки по Сети с друзьями. Он уже не смотрел по сторонам, а просто следовал за папиной спиной. Или точнее —

рюкзак. Он был таким большим, что полностью скрывал папу: как будто сам рюкзак сидел на велосипеде, у него были ноги, и они крутили педали.

Мальчик удивился, когда он и папа выехали на берег озера. После мрачного леса здесь, на песчаном берегу Ладоги, было непривычно светло. Голубое небо, по которому растеклись малиново-карамельные разводы от уходящего солнца, сливалось с озером. Свежий ветер лениво гнал мелкие волны, на которых покачивались белые чайки. Воздух сладко пах раскаленной смолой и хвоей.

— Снимай шляпу, — сказал папа. — Комаров нет. Их ветер сдувает.

Родион отрицательно покачал головой. После упоминания этих чудовищ у него зачесалось все тело, и волна нервной брезгливости прошла по спине. Папа пожал плечами, мол, как хочешь, и двинулся вперед: туда, где виднелись синие, зеленые и серые палатки. Напротив них, у причала был пришвартован небольшой катер. Зеленая сетка, прикрепленная к шляпе, мешала рассмотреть местность подробнее. Родион подождал, пока папа отъехал чуть дальше, и приподнял сетку. Он не мог понять, нравится ему здесь или нет. Родя подумал, что подобное чувство испытывал однажды в музее перед картиной с морским пейзажем. Вроде, и красиво. Но что от этой красоты? Какое развлечение? Мальчик прислушался — комаров действительно не было. Он снял шляпу, повесил ее на руль и поехал догонять папу, который уже превратился в черную точку.

Глава V

Место для палатки папа выбрал не прямо у воды, как некоторые участники группы, а ближе к лесу.

— Ночью шум волн будет мешать спать. Знаешь, как гудит! Ууууууу, — объяснил папа.

— А комары? — оглянулся Родя.

— Все равно сдувает. Это сейчас Ладога притихла, а вот набегут облака — и все. Хватайся за ближайшее дерево, чтобы в лес не унесло. Помотает тебя, как флажок на флагштоке.

Родион с недоверием смотрел на папу.

— А как ты хотел? — продолжил папа, — это взрослый поход, здесь свои испытания. Например, сейчас будешь помогать мне ставить палатку.

— Ну нет, — захныкал Родион, — я устал. Дай отдохнуть.

— Какое отдохнуть? А если медведи, а у нас палатки нет?! — папа развел руками.

— Устал! — Родион сел на корточки. После такой долгой и скучной дороги возиться с палаткой ему совсем не хотелось. Мальчик плюхнулся на землю и вытянул ноги.

— Начинается, — протянул папа.

— Пожалей меня, — Родион уже лежал на земле. — Пожалей же!

Но папа отвернулся и что-то искал в рюкзаке.

— Пожалей! — выкрикнул Родя. Для правдоподобности он еще зажмурил глаза и покачался по земле. — По-жа-лей! Пожалей ребенка!

Родион открыл глаза ровно в тот момент, когда у его головы в землю воткнулась палка от палатки. Над ним нависало лицо тети, которая без усталости делала селфи на станции. Ее губы растянулись в странной улыбке, а глаза смотрели зло. Как из фильма ужасов, мелькнуло в голове мальчика. Он воспользовался заминкой и откатился подальше и от тети, и от ее палки.

— Привет! — обратилась тетя к папе. Теперь она действительно звучала дружелюбно. — Рада тебя видеть! Не знала, что ты будешь, да еще и не один.

Она, не поворачивая головы, махнула палкой от палатки в сторону Родиона.

— Привет! — папа почесал затылок. Родион знал, что папа так делает, когда пытается вспомнить то, что вылетело из головы. — Стараюсь не изменять традициям. А эта покатушка любимая. Вот сын захотел приобщиться.

Теперь тетя посмотрела на мальчика с напускным любопытством.

— Какие молодцы! — воскликнула она. — Ты не говорил, что у тебя есть сын.

— Да, может, случая не было, чтобы рассказать, — папа снова почесал затылок. — А ты... а тебя...

— Света, — подсказала тетя.

— Точно, — улыбнулся папа. — Я Митя. А сына зовут Родион. Как дела, Света?

Света перевела взгляд с папы на мальчика, прищурилась и снова посмотрела на папу.

— Да вот, — оживилась она, — не могу поставить палатку. Может, поможешь мне, Митя, когда будет минутка. Ты же опытный путешественник.

— Да, конечно. Без проблем. Мы только вот тут разберемся.

Папа показал рукой на сваленные рюкзаки, возле которых валялся заляпанный грязью детский велосипед.

— Папа, смотри! — крикнул Родион, с которого слетела усталость в один миг. — Там — собака!

Взрослые посмотрели туда, куда показывал мальчик.

— Ты куда, Родя? — крикнул вслед сыну папа. — А как же палатка?

Но Родион ничего ему не ответил.

Папа повернулся к Свете.

— Дети — такие дети, — подбодрила она.

— Да уж. Пойдем посмотрим, что там с твоей палаткой, — папа проводил взглядом сына, который бодро бежал на пляж.

По берегу, взбивая короткими лапками песок, носилась рыжая такса. Родя, как большинство мальчишек, — а, возможно, и девчонок его возраста — очень хотел собаку. Но родители не поддавались на уговоры, обещания и клятвы, что он будет выгуливать собаку дважды в день. Даже в пять утра и девять вечера; и в снег, и в дождь; и на каникулах, и после всех кружков, и в день рождения. Так и жил Родион без собаки. Все, что у него было, — это безмолвные рыбки в аквариуме.

Мальчик выскочил на берег и закричал:

— Сосиска! Сосиска!

Рыжая такса подбежала к нему, понюхала его ноги, потом руки, которые мальчик протянул к ее забавной мордочке с блестящими глазками, и рванула в сторону. Родя заметил небольшую палку, как раз такую, чтобы кидать собакам.

— Лови, Сосиска!

Такса принесла палку Родиону и подняла на него передние лапки — давай еще! Мальчик размахнулся и швырнул палку так далеко, как только смог. Сосиска расправила уши и помчалась, Родя — за ней. Собака схватила палку, но не отдала ее мальчику, а побежала с ней в обратную сторону.

Вдруг Сосиска бросила палку и устремилась туда, куда приземлилось что-то круглое. Мальчик не успел рассмотреть, что именно. Собака подхватила неизвестный предмет зубами, и Родион понял: это был салатный теннисный мяч.

Мальчик поискал, кто мог кинуть мячик, и увидел девочку с разноцветными волосами. Она все так же неприветливо смотрела на него. Но сейчас это было особенно обидно, ведь такса убежала к ней. И Родион остался на пляже один. Он подобрал палку и кинул ее в воду.

Родион вернулся к велосипедам и рюкзакам. В животе бурчало: последнее, что он ел, — это бутерброд в электричке. С того момента прошло уже несколько часов. В лесу с его комарами было не до еды. Мальчик открыл рюкзак и достал шоколадку. Папа взял несколько штук к чаю.

— Я заслужил, — подбодрил себя мальчик. — Можно и без чая.

Из кармана своего рюкзака он достал телефон и, облокотившись спиной на дерево, запустил игру.

— Помоги мне с палаткой, — мальчик так увлекся игрой, что не слышал папиных шагов.

— Я устал, — ответил Родя, не отрываясь от телефона. Он проходил сложный уровень в гонках на супертачках и не хотел терять очки.

— Убери телефон и помоги, — не уступал папа.

Родя отклонился в сторону — он как раз делал резкий поворот на своей виртуальной машине.

— Так не пойдет, — папа протянул ему открытую ладонь, чтобы мальчик положил телефон.

Машина Родиона врезалась, и он страдальчески заныл и скривился.

— Я жду, — папа подsunул руку Родя под самый нос.

— Это мой телефон, — опомнился мальчик.

— А это — моя палатка. И если я ее соберу сам, то и спать в ней буду тоже один.

— До утра, — буркнул Родя, плюхая телефоном по папиной ладони.

— До конца похода!

— Это слишком! — возмутился Родион. Но папа ему ничего не ответил, а только бросил под ноги чехол с палаткой.

Глава VI

Родион лежал в застегнутом на молнию спальнике. И хотя ему было жарко и душно, он решил лежать именно так. Пусть папа поймет, какие страдания испытывает его сын! Как можно оставлять человека одного в обиде и в темноте?!

Мальчик высунул из спальника ухо и прислушался к тому, что происходило на улице. Когда Родион залезал в палатку, то взрослые рубили дрова, разжигали костер и носили воду для казана — все помогали готовить ужин. Родион же сказал папе, что он очень устал и пойдет спать. Папа ему ответил, что это его решение: спать — значит, спать. «Тем более, время-то совсем уже не детское», — сказал папа и застегнул за Родионом молнию палатки. Это особенно возмутило Родю, но высказать свое недовольство было некому: открыв палатку, мальчик увидел, что папа уже подкидывал дрова в костер.

— Ну и ладно, — буркнул Родион и залез в спальник.

Сейчас его ухо улавливало незнакомую мелодию, которую музыкант — скорее всего, тот велосипедист, с которыми они ехали вместе в электричке, — наигрывал на гитаре. Кто-то ему подпевал про бутылку кефира и батон. Родю хотелось поправить взрослых: в Петербурге не говорят «батон», в Петербурге говорят «булка». И он даже мысленно стал придумывать речь, с которой обратиться к взрослым: «Вы, конечно, взрослые и считаете, что все про все знаете. Но сейчас вы делаете ошибку! Вы ошибаетесь! Потому что не батон, а булка!»

— Булка, а не батон! — грозно сказал Родион. И он хотел продолжить свой монолог, но прямо у его головы, за тонкой стенкой палатки кто-то остановился.

— Родя, ужин готов. Приходи, — раздался папин голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.